

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА

А.Н. Аббасбейли
(Азербайджанская Республика, г. Баку)

В современную эпоху коренных геостратегических перемен в мире роль и значение Каспийского региона, своего рода «Евразийских Балкан»¹, приобрели особую значимость.

На рубеже XX и XXI вв. Каспийский регион с его огромными углеводородными запасами превратился в один из важнейших геостратегических центров мировой политики и стал ареной соперничества великих и региональных держав.

Особый интерес к Каспийскому региону со стороны многих ведущих держав мира связан не только и не столько с наличием в Каспийском регионе огромных запасов углеводородного сырья, но и с тем, что регион постепенно становится ключевым в геостратегии мировых конкурирующих сил. Возрастающая напряженность в регионе – неизбежное следствие геополитической ситуации, способствующей геостратегической конкуренции.

Говоря о военно-политической безопасности стран Каспийского бассейна, необходимо, в первую очередь, взглянуть на геополитическую ситуацию в регионе, которая охарактеризуется уменьшением роли Российской Федерации в экономических, политических и военных областях; увеличивающейся причастностью других держав и растущим соперничеством между ними.

Следует отметить, что началом открытого противостояния в Каспийском регионе считается подписание 20 сентября 1994 г. между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР) и 12 иностранными нефтяными компаниями «Контракта века» по разработке нефтяных месторождений в азербайджанском секторе Каспийского моря. На базе этого контракта была создана Азербайджанская международная операционная компания (АМОК). На подписание международного контракта Россия отреагировала нотами Азербайджанской Республике и Великобритании, устным протестом Соединенным Штатам Америки и письмом от 5 октября 1994 г. Генеральному Секретарю ООН, в котором указывалось, что односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться Российской Федерацией, которая оставляет за собой право принять такие меры, которые будут необходимы для восстановления порядка. Более того, Российская Федерация встала на путь открытых угроз в адрес Азербайджанской Республики. Еще до подписания «Контракта века» 21 июня 1994 г. Президент РФ Б. Ельцин подписал секретный документ № 396-РПС «Об обеспечении интересов Российской Федерации в Каспийском море»². В нем всем российским государственным органам и организациям предписывалось установить фактически экономическую и политическую блокаду Азербайджанской Республики.

Подобные некорректные действия против суверенной Азербайджанской Республики продолжались и в дальнейшем³. Однако реализм взял верх, и в Москве, поняв реалии современности, начали строить с Азербайджанской Республикой нормальные, добрососедские отношения. На этом фоне происходило перетягивание канатов между двумя полюсами.

Как известно, противостояние между Прикаспийскими государствами образовали на начальном этапе два полюса: Россия, Туркменистан и Иран, с одной стороны, Азербайджан и Казахстан – с другой.

Но монолитность «тройки» существенно уступала монолитности «двойки». Россия, Иран и Туркменистан не раз демонстрировали, что в выгодных для себя услови-

ях могут отказаться от союзничества друг с другом. Так, в декабре 1995 г. министр нефти Ирана Гулям Рза Ага-заде заявил, что Иран будет руководствоваться экономической целесообразностью, а не политической конъюнктурой в решении проблем своего участия в проектах освоения нефтегазовых месторождений Каспия.

И первым из этой «тройки» вышла Россия, войдя в прочный союз с «двойкой», т.е. Азербайджаном и Казахстаном.

Парадоксальным в сложившейся ситуации стало, что сама Россия усердно способствовала Западу в собственном вытеснении из Прикаспийского региона. Политика России способствовала тому, что произошла интернационализация соревнования за влияние в регионе. Располагая благоприятными географическими и историческими обстоятельствами для отстаивания своих интересов, постсоветская Россия так и не сумела выработать прагматичной политики в этом регионе. Необдуманными действиями и политическими просчетами она сама в значительной степени расшатала свое положение на Кавказе.

Географическое положение Каспия, близость российского Северного Кавказа, Казахстана, Туркменистана и Ирана, значительные запасы различных ресурсов, а также объявление Каспия зоной «жизненно важных интересов» США способствовали усилению угрозы интересам России в этом регионе. Возросло политическое, экономическое, информационное и психологическое давление на Россию, образовался скрытый процесс ее втягивания в сферу потенциальных международных конфликтов.

Необходимо отметить, что Каспийский регион имеет ряд особенностей, которые влияют на национальную безопасность России:

- ✓ специфические национальные особенности народов, проживающих на Северном Кавказе;
- ✓ высокий риск обострения этнических и религиозных проблем;
- ✓ долговременная основа для возникновения внутренних вооруженных конфликтов;
- ✓ непрекращающиеся попытки Запада формировать и поддерживать прозападную ориентацию в южно-кавказских и центрально-азиатских государствах.

Следует отметить, что параллельно с Кавказско-Каспийским регионом у России возникли сложные проблемы в Кавказско-Черноморском регионе. Независимость Украины лишила Россию ее особого положения на Черном море. Потеря Украины явилась геополитически важным моментом по причине существенного ограничения геостратегического выбора России. Российская Федерация осталась с небольшой береговой полосой Черного моря и с неразрешенным спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского черноморского флота. В этой ситуации Россия с раздражением наблюдает за проведением Украиной с НАТО военно-морских и морских десантных маневров, а также за возрастанием роли Турции в районе Черного моря.

Как следствие – все возрастающая роль Северного Кавказа как форпоста интересов России на Южном Кавказе и на Каспии. При определенных условиях данный регион может серьезно влиять на мировую экономику и межгосударственные отношения. Южные границы России имеют особое значение в политике безопасности страны. Этот регион представляет собой крайне важный стратегический узел, так как населяющие его народы обладают огромной социальной динамикой, древнейшими геополитическими традициями, а сам он напрямую граничит с Турцией, стратегически контролирующей со своей стороны приграничную зону, которая, с точки зрения рельефа, принадлежит единому пространству горного массива Кавказа. Контроль над Кавказом открывает, в первом приближении, выход к теплым морям, и каждое, даже незначительное, передвижение границы к югу или к северу означает существенный выигрыш или существенный проигрыш континентальной силы. Упрочив свои позиции на Каспии, Россия будет иметь дополнительные гарантии присутствия и в Центральной Азии. Но особую заботу вызывает у России все большее проникновение США в страны Каспийского бассейна.

Однако геостратегические реалии современности вынуждают Российскую Федерацию более гибко строить свои взаимоотношения с Прикаспийскими государст-

вами, внести коррективы в свою геостратегию в этом направлении. Свое наглядное подтверждение эта тенденция получила во время официального визита президента Российской Федерации В.В. Путина в Азербайджан в начале 2001 г. в ряде важных совместных документах, подписанных главами государств, и, в особенности, в совместном заявлении Российской Федерации и Азербайджанской Республики, где говорится о принципах сотрудничества по определению статуса Каспийского моря⁴.

На наш взгляд, политика России в отношении Прикаспийских государств должна учитывать национальные особенности, свойственные каждому народу, их обычаи, культуру и религию. В своей геостратегической политике по отношению к новым суверенным странам Каспийского региона Россия должна выработать дифференцированный подход и определить ясную и четкую политику.

Параллельно с Россией в рамках реализации своих стратегических планов США, обосновывающиеся на Южном Кавказе, расширяют зону своего влияния, занимая относительно неплохие позиции в Центральной Азии. Так, З. Бзежинский констатирует, что впервые в истории неевропейская страна возвысилась до роли не только главного арбитра отношений в Евразии, но и первой державы мира.

США устанавливают некое покровительство над основными транспортными и энергетическими объектами Каспия (проект ТРАСЕКА, трубопровод «Баку – Тбилиси – Джейхан»), предпринимают попытки «балканизации» Центральной части Евразии, выстраивая линию Балканы – Кавказ – Центральная Азия. Идея З. Бзежинского о создании «Евразийских Балкан» становится лейтмотивом нынешней политики США на евразийском пространстве, в основе которой – дробление государств, поддержание существующего там «геополитического плюрализма», недопущение превращения России в ведущее государство Евразии.

Совершенно очевидно, что США превращаются в одного из главных геополитических игроков в Черноморско-Каспийском регионе. Еще в январе 2001 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе американские представители вновь подтвердили, что Каспий является зоной их жизненных интересов и рассматривается как источник нефти, альтернативный Персидскому заливу. Планы США по освоению Каспия вписываются в новую национальную энергетическую стратегию Дж. Буша, которая предусматривает установление контроля за основными районами нефтедобычи в мире, официально именуемого как «контроль над глобальным энергетическим равновесием». Развитие экономики США предусматривает в перспективе рост потребления нефти в ближайшие 20 лет на 33 %, а природного газа – более чем наполовину.

Администрация Дж. Буша намерена продолжать поддерживать вариант восточно-западного транспортного коридора, жестко отстаивать и проводить в жизнь свои интересы в мире, в том числе с помощью вооруженных сил, для возможного использования которых целенаправленно готовится почва.

По представлениям Белого дома, США не могут стоять в стороне от локальных конфликтов в зонах жизненно важных стратегических интересов, к которым относятся и Кавказско-Каспийский регион. Основные цели американской политики в этом регионе: обеспечение независимости и суверенитета южнокавказских республик, их дистанцирование от России, способствование интеграции южнокавказских стран в европейскую политику и поддержка нефтяных компаний США.

Интерес США диктуется, в первую очередь, стремлением Вашингтона повысить надежность обеспечения страны энергоресурсами. На первое место здесь выходят диверсификация источников энергии (ослабление зависимости экономики страны от крупнейшего мирового поставщика нефти, стран Ближнего Востока и ОПЕК), расширение направлений и путей вывоза нефти и газа из региона. С учетом этого США лоббируют те проекты, которые проходят с Востока на Запад, минуя Россию и Иран; поддерживают ограничения, наложенные Турцией на проход крупнотоннажных танкеров через Босфор.

Геополитические соображения при разработке каспийских нефтяных проектов на данном этапе для США являются более весомыми, чем экономические. Каспийский регион располагается между тремя геополитическими соперниками США в Ев-

разии – Россией, Китаем и Ираном. Контроль над регионом позволит США добиться глобального доминирования в регионе, примыкающем к Кавказско-Каспийскому. При этом предполагается установить контроль над углеводородными запасами региона и не допустить, чтобы ресурсы Каспия попали в распоряжение стран, которые США считают своими стратегическими противниками. Для решения этой задачи Вашингтон, судя по всему, считает необходимым создать в регионе пояс зависимых от США и его стратегического союзника Турции государств, через территорию которых пройдет западный транспортный коридор.

Способы проникновения США в регион разнообразны. Сюда входят такие аспекты, как содействие в развитии энергетики и создании энергетического транспортного коридора между Востоком и Западом; оказание целенаправленной финансовой помощи; сотрудничество в вопросах обеспечения безопасности; расширение военного и военно-технического сотрудничества с государствами Южного Кавказа и Центральной Азии.

США создали и, опираясь на крупнейшие нефтяные компании, продолжают создавать условия для укрепления в рассматриваемом регионе позиций своего частного капитала с той целью, чтобы затем использовать его как стартовую площадку для более глубокого закрепления. В результате за несколько лет политика США в регионе эволюционировала от разрозненных шагов до полномасштабной концепции по продвижению и защите национальных интересов США. Выстраивание долговременной стратегии проводится при одновременном расширении механизмов применяемых средств. Но объективной истиной в настоящее время является, что в связи с военной операцией США в Ираке Каспийский регион стал рассматриваться как резервный бассейн углеводородов стратегического значения и только к 2010 г., как ожидается, страны Каспийского региона станут для США экономически привлекательными и смогут экспортировать до 3–4 млн бар нефти в день.

Таким образом, США заинтересованы не столько в добыче, сколько в установлении своего контроля над нефтяными богатствами Каспия. Тем не менее следует ожидать, что в обозримом будущем активность США в регионе будет повышаться. Учитывая достаточную подвижность происходящих в регионе и за его пределами процессов, нельзя исключать, что, возможно, будут разработаны и скорректированы контуры новой, более гибкой американской региональной стратегии.

Особую значимость для России приобретают отношения с Исламской республикой Иран, где мы наблюдаем, что внешнеполитические интересы Российской Федерации и Ирана складываются из многих аспектов политического, военного и экономического характера. С политической точки зрения, оба государства своей «близостью» стремятся компенсировать свою уязвимость и все более усиливающееся влияние США в этом регионе, как-то обезопасить себя; с экономической точки зрения, Иран – один из основных покупателей российского вооружения: подводных и надводных кораблей, самолетов, ракет, танков, стрелкового оружия, средств ПВО и т.д.

Помимо этого, Россия активно развивает связи с Ираном по ядерной технологии, являясь основным поставщиком ядерного топлива и оборудования. С другой стороны, Иран располагает развитой сетью нефтепроводов и газопроводов и терминалами в Персидском заливе.

Ныне Иран занимает третье место в мире по запасам газа и важное место в мире по запасам нефти. И Иран, и Россия являются геостратегическими противниками Запада, и прежде всего США. И несмотря на совершенно разные политические режимы и абсолютно исключаящие друг друга религиозные взгляды, а также участие России в мягкой санкции СБ ООН против Ирана, страны на рубеже веков стали политическими партнерами. В обеих странах хорошо понимают, что каждая из них стремится приобрести побольше дивидендов, и, пока позволяет обстановка в мире, они будут стремиться укреплять и расширять партнерские связи. Но это партнерство не может быть долговременным, оно конъюнктурное. Эти связи не имеют будущего, и рано или поздно эти страны разойдутся в разные стороны.

Иран нуждается в обеспечении стабильности вдоль своих сухопутных и морских границ в условиях обострения региональных и межгосударственных конфлик-

тов, так как любое крупное событие в новых независимых государствах может так или иначе затронуть ситуацию в этой стране. Чтобы правильно понять внешнеполитическую стратегию Ирана, следует учесть, что это многонациональная страна с соответствующими проблемами. Население Ирана родственными узами связано со странами Южного Кавказа, Центральной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока.

Несмотря на официальные декларации о поддержке мусульманского дела во всем мире, Иран наращивает все более тесные связи с Арменией, использует армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт в своих интересах для противодействия расширению турецкого влияния в регионе. Для Ирана потенциал сепаратизма связан как с Южным Кавказом, так и с Центральной Азией. Стимуляторами могут быть Турция или США или обе эти страны сразу.

Каспий важен для Ирана как регион для обеспечения, прежде всего, его торгово-экономических интересов, а также обеспечения интересов национальной безопасности.

В отношении Турции можно отметить, что появление на международной арене новых тюркоязычных государств, богатых природными ресурсами, рассматривалось Турцией как возможность продвижения своих геополитических интересов. Поэтому неудивительно, что Турция с самого начала всячески демонстрировала свое покровительство новым постсоветским государствам в надежде сплотить всех тюрков под эгидой Анкары и, соответственно, поставить под свой контроль их ресурсный потенциал. Восточное направление стало одним из приоритетных в турецкой внешней политике.

Уже в конце 1980-х гг. Турция начала быстро налаживать культурные, политические и экономические контакты с новыми политическими силами, вышедшими в тот период из советских тюркоязычных республик, ставших вскоре независимыми государствами. В атмосфере неожиданно свалившейся свободы и независимости элиты некоторых постсоветских стран, не в последнюю очередь Азербайджана, имели повышенные ожидания экономического чуда с помощью турецкой модели. Турция в своей политике относительно Кавказско-Каспийского региона нашла недвусмысленную поддержку Запада, прежде всего США.

Спустя некоторое время после образования независимых, суверенных государств на Южном Кавказе и в Центральной Азии «Уолл-стрит джорнал» суммировал новое восприятие Турции в правящих кругах Запада таким образом: «Турция пытается помочь новым мусульманским странам стать светскими демократиями. Она выступает как мост между Западом, Балканами и Ближним Востоком. Она продолжает играть роль жизненно важного рычага безопасности Запада. В регионе, в котором имеются очаги застарелой вражды, где оружие имеет всякий, а этническое недовольство является обычным делом, дружба Турции жизненно важна для Запада как никогда»⁵.

Интерес к Каспийскому бассейну объясняется еще и тем, что три Прикаспийских государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан – являются тюркоязычными государствами.

Но в современном мире этнической и языковой близости этого отнюдь недостаточно для их интеграции государств в некое сообщество, тем более в какое бы то ни было государственное образование на пантюркистских или иных началах. Однако ее экономическое присутствие расширяется. Роль Турции в нефтяном и газовом экспорте делает эту страну активным участником событий в регионе. Для Турции, испытывающей острую потребность в энергоресурсах и зависимость в этом вопросе от России, альтернативные поставки углеводородов из Центральной Азии не реальны без фактора южно-кавказских партнеров (Грузии и Азербайджана).

Расширяется военное сотрудничество Турции с государствами региона. И все же собственное независимое влияние Турции в регионе остается ограниченным. Все вышесказанное говорит о том, что схватка за каспийскую нефть находится в самом разгаре. Возможно именно эта схватка станет самым значимым событием XXI в. Речь идет об экономическом доминировании в регионе, где находятся огромные нефтегазовые месторождения, и политическом доминировании в регионе, где сходятся христианство и ислам, Запад и Восток, Европа и Азия.

После роспуска СССР Каспий, который более 200 лет был зоной российско-иранских политических и экономических интересов, стал зоной российско-ирано-азербайджано-казахстано-туркменистанских интересов. Молодые, суверенные и независимые государства, образованные на постсоветском пространстве в зоне Каспийского бассейна, объявили свои права на богатства моря, и, собственно, это обстоятельство вывело политическую проблему статуса Каспийского моря на качественно новый политический уровень.

¹ *Бжежинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 151.

² *Чернявский С.И.* Новый путь Азербайджана. М., 2002. С. 69.

³ *Алиев И.* Каспийская нефть Азербайджана. М., 2003. С. 382.

⁴ *Дипломатический вестник.* М., 2001. С. 48–49.

⁵ *Wall Street Journal.* 2006. № 4. P. 38.

ДЕМОКРАТИЯ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

В.И. Коваленко
(Россия, г. Москва)

В мире науки и политической практики есть понятия, сохраняющие свою безусловную ценность. Одной из таких категорий выступает, несомненно, понятие демократии. Демократизация выступает непреложным требованием современного развития, и оно требует своего воплощения и в насковзь рационалистической Америке, и в гордящимся своими тысячелетними традициями Китае. Между тем само это понятие развивается, углубляется, наполняется новым смыслом, испытывает на себе давление со стороны новых вызовов. Недоучет этих требований может привести к накоплению противоречий не только в протодемократической, но и в зрелой демократической системе, девальвировать содержание этого понятия и даже поставить под сомнение основные ценности самого демократического развития как такового. Серьезные вопросы встают в аспектах соотношения представительной, прямой, политической и других видов демократии (прежде всего – экономической и социальной), демократии и стабильности, демократии и экономического роста, демократии и задач обеспечения прав человека в глобализирующемся мире и др. Остановимся только на некоторых из них.

Описывая современное ему общество, М. Вебер писал, что оно основывается на трех «китах»: индустриализации, стандартизации, рационализации – все под крепкой оболочкой бюрократического начала. В теории управления в этот период заявил о себе тейлоризм – первая, ставшая позднее классической школа науки о менеджменте. Ф. Тейлор выстроил жесткую пирамидальную модель управления, эффективность которой ставилась им в прямую зависимость от безусловного и четкого выполнения низшими звеньями предписаний, идущих с самого верха. В этой иерархизированной системе рядовой участник производственного процесса неизбежно рассматривался как «винтик» или, говоря словами К. Маркса, как «часть частичной машины». В практике индустриального общества такая модель закономерно коррелировала с точным производством, давшим конвейер и олицетворенным Г. Фордом старшим.

В политической жизни адекватной индустриализму формой стали мощные централизованные партии социал-демократического и коммунистического толка, ориентированные на трудящихся крупных производственных единиц, с достаточно унифицированными условиями труда и быта, жизненными потребностями и интересами организованных масс рабочих.

Естественно, что в этих условиях в обществе резко возрастало значение бюрократических начал.

Современная эпоха веберовскую картину мира «хоронит». Переход к мелкосерийному производству (экономическая дестандартизация), «электронное надомниче-